

УДК 343.148
doi: 10.25724/VAMVD.A173

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА: ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе ранее высказанных в научных публикациях автора позиций о сущности заключения специалиста как доказательства анализируется современное состояние практики вовлечения этого источника информации в доказывание по уголовным делам. Проводится ретроспектива правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации относительно правовой природы заключения специалиста, подчеркивается с учетом этих идейных ориентиров, что специалист производить исследования не вправе. В работе проанализированы предпринятые в 2021 г. корректировки постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28, что привело к изменению взглядов судейского сообщества на консультационную функцию специалиста в доказывании по уголовным делам. Обосновывается, что новый подход Пленума Верховного Суда Российской Федерации, исключая допустимость оценки специалистом заключения эксперта, ограничивает познавательные возможности суда и других субъектов доказывания.

Ключевые слова: заключение специалиста, консультационная деятельность специалиста, рецензия на заключение эксперта, институт специалиста, судебная экспертиза, правовые позиции

Для цитирования: Зайцева Е. А. Заключение специалиста: возвращаясь к напечатанному // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 18–28. doi: 10.25724/VAMVD.A173

EXPERT OPINION: BACK TO THE PRINTED

Elena Aleksandrovna Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the current state of practice of involving this source of information in evidence in criminal cases on the basis of the author's positions on the essence of the expert opinion as evidence. A retrospective of the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the legal nature of the expert's opinion is conducted, it is emphasized in the light of these ideological guidelines that the expert

© Зайцева Е. А., 2023

is not entitled to conduct research. The article analyses the corrections made in 2021 by the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28, which resulted in a change of opinion of the judicial community on the advisory function of a specialist in evidence in criminal cases. It is substantiated that the new approach of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which excludes the admissibility of an expert opinion assessment by a specialist, limits the cognitive possibilities of the court and other subjects of evidence.

Keywords: expert opinion, specialist consulting activity, review of expert opinion, institute of specialist, forensic expertise, legal positions

For citation: Zaitseva E. A. Expert opinion: back to the printed. Forensic Examination, 18–28, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A173

После появления в 2003 г.¹ в УПК РФ новых источников доказательств – заключений и показаний специалиста редко кто из исследователей, пишущих на тему применения специальных познаний в уголовном судопроизводстве, оставил без внимания этот долгожданный и в то же время некачественный «нормативный продукт». Автор настоящей статьи посвятил анализу данных доказательств в различном контексте как минимум 40 публикаций, в том числе 7 монографических работ, настолько притягательными с точки зрения исследовательского интереса являются вопросы, касающиеся правовой природы заключения специалиста, процедуры его получения и введения в процесс доказывания, соотношения с заключением эксперта, актом несудебной экспертизы и справкой об исследовании. Указанные аспекты «бытия» заключения специалиста в уголовном судопроизводстве создают неиссякаемую «питательную среду» для научных дискуссий ввиду правовой неопределенности нормативного регулирования подобного источника доказательств.

Ажиотаж вокруг обозначенной темы не затихает вот уже 20 лет, чему во многом способствует и сам отраслевой законодатель: чего, к примеру, стоит его противоречивое регулирование вопроса оформления заключением специалиста результатов предварительного исследования в рамках доследственной проверки, выраженное в п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ применительно к изъятиям из общего порядка доказывания при проведении дознания в сокращенной форме. Напомним, что предписания о сокращенном дознании, введенные гл. 32.1 УПК РФ², были адресованы, в первую очередь, дознавателям органов внутренних дел, на которых распространяются в том числе положения п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, освобождающие их от обязанности назначать судебные экспертизы при наличии в материалах проверки результатов исследования, проведенного сотрудником экспертно-криминалистического подразделения (далее – ЭКП). При этом в системе МВД России предварительные исследования регламентируются приказом от 11 января

¹ Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ расширил арсенал средств доказывания, дополнив чч. 3–4 ст. 80 и п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ нормативными установлениями о результатах деятельности специалиста.

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

2009 г. № 7, утвердившим Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации¹ (далее – Наставление), которое **не предусматривает оформление результатов предварительных исследований заключениями специалистов.** Сотрудник ЭКП по итогам предварительного исследования и исследования при проверке сообщения о преступлении составляет «справку об исследовании» (пп. 42, 55.4 Наставления, соответственно), которую не следует ассоциировать с заключением специалиста. И хотя в тексте Наставления сотрудники ЭКП именуются «специалистами», нужно отдавать себе отчет в отраслевой принадлежности норм, вводимых в действие указанным Наставлением, а они по своей природе административные. Следовательно, термин «специалист» употребляется в данном нормативном правовом акте исключительно в контексте административных отношений, но не уголовно-процессуальных. Кстати, этот же термин присутствует в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»² при упоминании помощи «специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями», что, однако, не превращает таких участников оперативно-розыскных мероприятий в субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Не благоприятствуют единому пониманию правовой природы заключения специалиста и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), который кардинально скорректировал свой курс, обозначенный в знаменитом постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – Постановление № 28)³.

Дело в том, что на фоне правовой неопределенности, генерируемой нормами ст. 80 и 226.5 УПК РФ, правовые позиции Пленума ВС РФ выстраивали единую судебную практику по вопросу использования в доказывании заключения специалиста⁴. Они как бы нивелировали пробел в праве, обусловленный поспешностью

¹ Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 (с изм., внесенными приказами МВД России от 16 мая 2016 г. № 246, от 16 августа 2018 г. № 528, от 28 ноября 2019 г. № 893, от 2 декабря 2020 г. № 828, от 9 марта 2023 г. № 126). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2023. № 1 (ч. I). Ст. 85.

³ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюллетень ВС РФ. 2011. № 2.

⁴ Так, суды стали чаще признавать недопустимыми доказательствами заключения специалистов, содержащие исследовательскую часть, ответы на вопросы, которые разрешались ранее в рамках судебной экспертизы. Например, Верховный суд Республики Мордовия в приговоре от 14 апреля 2022 г. по делу А. А. констатировал, что специалист при подготовке вышеуказанного документа вышел за пределы предоставленных ему уголовно-процессуальным законом полномочий, поскольку ответил на вопрос, являющийся предметом экспертного исследования. Доводы суда первой инстанции поддержал апелляционный суд (см.: Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. по делу № 55-526/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубликовано).

и непродуманностью создания новелл, введенных Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ. Учитывая ориентированность досудебного производства на взыскательные стандарты «последующего адресата доказывания», коим в отечественном процессе предстает суд, можно однозначно утверждать, что именно правовые позиции Пленума ВС РФ, закрепленные в Постановлении № 28, воспринимались не только судьями на местах, но и должностными лицами органов предварительного расследования как руководство к действию. И это – нормальное явление в условиях, когда постановление Пленума ВС РФ, выступая результатом высшего масштаба обобщения сформированной судебной практики, корректирует эту практику в русле замысла законодателя (который свой «замысел» оформил не совсем удачно в вышеупомянутом федеральном законе).

Пленум ВС РФ вполне четко (в отличие от законодателя) провел ту грань, которая разграничивает случаи привлечения эксперта и специалиста для нужд доказывания, обозначив в качестве главного отличия этих форм применения специальных знаний проведение исследования. Данный тезис открывал текст Постановления № 28 в п. 1 и находил развернутое выражение в п. 20: «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза». И даже после кардинальной корректуры ряда позиций указанного постановления в 2021 г.¹ Пленум ВС РФ подтвердил свое отношение к заключению эксперта как результату (единственному!) применения специальных знаний в форме исследования, а к заключению специалиста – как к консультации, содержащей суждения сведущего лица по специальному вопросу, входящему в его компетенцию.

Более того, позиции Пленума ВС РФ, изложенные в изначальной редакции Постановления № 28, нашли подтверждение в ряде решений Конституционного Суда РФ, который буквально процитировал в определениях от 28 января 2016 г. № 207-О², от 29 сентября 2016 г. № 2032-О³, от 27 июня 2017 г. № 1173-О⁴

¹ О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума ВС РФ от 29 июня 2021 г. № 22 // РГ. 2021. 16 июля (№ 159).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чарушников Андрея Леонидовича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 3.1 части второй статьи 74, статьями 80 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституц. Суда РФ от 28 января 2016 г. № 207-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубл.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астахова Павла Васильевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституц. Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 2032-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубл.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Оголихина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституц. Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1173-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубл.

положения абз. 1 п. 20 данного постановления, констатировав, что «...в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза».

По сути, в таком же ключе декларируется отличие заключения эксперта от заключения специалиста в не утратившем силу для нашей правовой системы¹ решении Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» от 27 марта 2014 г.², где утверждается «существующее в законодательстве Российской Федерации различие между двумя формами экспертных доказательств³: заключениями „экспертов” и заключениями „специалистов”, устными и письменными» (п. 167). За основу понимания природы этих доказательств в п. 189 своего решения ЕСПЧ берет правовые позиции Пленума ВС РФ, изложенные в Постановлении № 28.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному анализу, можно четко резюмировать, что и замысел законодателя, отраженный в дефинитивной норме и закрепленный в ч. 3 ст. 80 УПК РФ, и толкование этой нормы в практике отечественных судов и наднациональных судебных органов свидетельствуют о единообразном понимании заключения специалиста как источника доказательств, основанного на специальных познаниях специалиста, примененных в форме консультации, но отнюдь не в форме исследования вещественных доказательств. Последующие «зигзаги» законотворческой практики, нашедшие воплощение в новеллах Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в связи с введением сокращенной формы дознания и редукцией процедур доказывания для этого упрощенного порядка⁴, не должны поколебать сути заключения специалиста как консультационной и справочной формы применения специальных познаний.

¹ В связи с началом СВО, исключением России 16 марта 2022 г. из Совета Европы, выходом нашего государства из-под юрисдикции ЕСПЧ и денонсацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод новые решения ЕСПЧ теперь не подлежат применению в РФ. Тем не менее решения ЕСПЧ, вступившие в силу до 15 марта 2022 г. включительно, сохраняют актуальность для уголовного судопроизводства (например, в качестве источника сведений о новых обстоятельствах). См.: Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ. См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.

² Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» (жалоба № 58428/10): постановление ЕСПЧ от 27 марта 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4(04).

³ «Экспертными доказательствами» ЕСПЧ называет «источники информации, которые... содержат научный, технический и иной сходный анализ данных фактов» (см.: Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» ...).

⁴ Имеется в виду пресловутый п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, ассоциирующий заключение специалиста с «результатами исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении», который противоречит и норме ч. 3 ст. 80 УПК РФ, и правовым позициям высших судебных инстанций РФ, и ведомственной практике экспертных подразделений системы МВД России.

По большому счету такое восприятие заключения специалиста коррелирует с подходом отраслевого законодателя в Гражданском процессуальном кодексе (ст. 188), что четко отражено в нормативном предписании ч. 3 данной статьи: «Специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда». Такой же формат консультационной деятельности, за исключением ее письменного характера, закреплен в ст. 87.1 Арбитражного процессуального кодекса. Оба кодифицированных акта, в отличие от УПК РФ, избежали дублирования в наименовании доказательств, что позволило четко сориентировать практиков на различия в результатах деятельности специалистов и экспертов: эксперт пишет заключение, а специалист дает консультацию. И это, по нашему глубокому убеждению, правильный подход, грамотный с точки зрения «законов жанра» правотворческой работы. Разные названия доказательств подчеркивают их уникальность, самобытность, сущностные отличия, проистекающие из характера получения информации данными сведущими лицами.

По сути, об этом пишет Н. А. Раимжанова, утверждая, что «в качестве критерия разграничения случаев привлечения эксперта и специалиста к производству по уголовному делу необходимо использовать **деятельностно-функциональный аспект, который позволяет выявить сущностные отличия процессуальных фигур специалиста и эксперта**, а не только отличия процессуальной формы их вовлечения в правоотношения. Именно **сущностные отличия**, проявляющиеся в содержании процессуальной деятельности эксперта и специалиста, диктуют необходимость оформления **этих отличий определенными нормативными предписаниями**» [1, с. 12] (выделено нами. – *Авт.*). Содержание процессуальной деятельности: производство исследования с дачей заключения (для эксперта) или применение своих знаний в консультационной форме плюс оказание научно-технической помощи (для специалиста) – вот правильное понимание целей привлечения к доказыванию этих сведущих лиц.

Представляется, что для устранения в сфере уголовного судопроизводства ситуаций со смешением заключения эксперта и заключения специалиста, с ошибочным проецированием порядка получения заключения эксперта на процедуру получения заключения специалиста¹, последний вид доказательств нуждается в переименовании в «консультацию специалиста», что сразу снимет остроту вопроса в части неверной интерпретации требований, предъявляемых к результатам консультационной деятельности специалиста.

О консультационном характере заключения специалиста вполне убедительно пишет в своем диссертационном исследовании Н. С. Расулова, называя его «справочно-вспомогательным средством доказывания» [2, с. 41].

¹ Так, практикующие адвокаты описывают конкретные уголовные дела, при рассмотрении которых суды отвергали заключения специалистов на том основании, что специалистов привлекал сам защитник, что специалиста не предупреждали об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ (!) перед дачей заключения [3]. Аналогичные аргументы суда для признания заключения специалиста недопустимым доказательством приводит в своей статье и адвокат Р. П. Коблев [4]. Похожие ситуации, с которыми сталкиваются представители защиты, пытающиеся использовать заключение специалиста в качестве доказательства, описывают В. Ф. Васюков и Е. А. Семенов [5].

Особенно ярко консультационная, справочно-вспомогательная сущность заключения специалиста проявлялась в его необычной роли при оценке заключения эксперта судом. Прежняя редакция Постановления № 28 в абз. 2 п. 19 содержала, на наш взгляд, весьма ценное для судебной практики разъяснение: «Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения». Впоследствии, в 2017 г., Пленум ВС РФ подтвердил такое отношение к заключению специалиста как к «оценочному средству» при определении доказательственной значимости заключения эксперта, подчеркнув в постановлении от 19 декабря 2017 г. № 51, что «если из устных разъяснений или заключения специалиста следует, что имеются основания назначения дополнительной или повторной экспертизы, суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе следует обсудить вопрос о назначении такой экспертизы»¹.

Ценность данного направления использования познаний специалиста видится в том, что благодаря последнему можно выявлять экспертные ошибки, о чем справедливо пишет Е. Р. Россинская: «Значительно чаще экспертные ошибки обнаруживаются при оценке экспертных заключений судом (следователем). Если ошибка не влияет на выводы эксперта, она может быть нейтрализована или устранена путем его допроса или назначения дополнительной экспертизы. В противном случае может быть назначена повторная экспертиза. Следует подчеркнуть, что **наиболее сложно для правоприменителя, не обладающего соответствующими специальными знаниями, выявить гносеологические и деятельностные экспертные ошибки**» [6] (выделено нами. – *Авт.*). Проанализировав нормативную регламентацию консультационной деятельности специалиста в гражданском процессе, Е. Р. Россинская делает тонкое замечание, раскрывающее значимость исследуемого нами направления деятельности специалиста: «законодатель хотя и косвенно, но признает, что оценка выводов судебной экспертизы с точки зрения научной обоснованности, достоверности и достаточности является для суда очень сложной задачей, решение которой невозможно без реальной состязательности сведущих лиц в суде» [7].

Сходное позитивное отношение к подобному рода деятельности специалиста находим и в «Комментарии к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» (под общ. ред. В. М. Лебедева), где В. С. Коваль подчеркивает: «Вопрос о возможности привлечения специалиста для такого рода помощи является дискуссионным в юридической литературе, но на практике возражений не вызывает, поскольку специалист оказывает помощь суду в оценке заключения эксперта, что не может не способствовать полноценной реализации принципа состязательности сторон» [8].

При всей очевидной логичности и целесообразности сохранения консультационной роли заключения специалиста в деле оценки заключения эксперта

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума ВС РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 // РГ. 2017. 29 дек.

Пленум ВС РФ в 2021 г.¹ предпринял решительные шаги по корректировке своих правовых позиций и исключил из текста Постановления № 28 вышеупомянутый абз. 2 п. 19, а также пп. 20–22, разъясняющие порядок привлечения специалиста к участию в судебном следствии (в том числе для оценки заключения эксперта). Реакция практиков из судебной системы не заставила себя ждать: все чаще в судебных решениях стали появляться доводы о недопустимости использования заключений специалистов в интересах оценки заключений экспертов².

Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в кассационном определении от 26 октября 2021 г. № 41-УД21-46-А3 поддержала позицию суда первой инстанции: «Судом обоснованно не были приняты во внимание показания и заключение специалиста Ш. в отношении заключения судебно-медицинской экспертизы трупа Филиппенко Ю. И., потому что они были направлены не на ответы на вопросы, когда на это требуются специальные познания, а на оценку уже имеющегося в деле заключения эксперта, что в данном случае недопустимо»³

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) ...

² Справедливости ради следует отметить, что и ранее в судебных решениях встречалось негативное отношение к заключениям специалистов при попытках представителей адвокатского сообщества использовать их в целях оценки других доказательств, в частности заключений экспертов, о чем пишут В. Ф. Васюков и Е. А. Семенов: «Из приговора Вневского районного суда Тульской области (24 января 2017 г.)... оценивая заключение специалиста, суд признает его недопустимым доказательством по делу... рецензия специалиста... является оценкой самой экспертизы, данной лицом, в компетенцию которого не входит давать такие заключения» [5]. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в апелляционном определении от 22 мая 2019 г. № 58-АПУ19-4 подчеркнула: «специалисты при подготовке своих заключений вышли за пределы предоставленных им уголовно-процессуальным законом полномочий, поскольку ответили на вопросы, являющиеся предметом экспертных исследований» (см: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 58-АПУ19-4. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22052019-n-58-apu19-4/> (дата обращения: 16.10.2023)). Кроме того, в апелляционном определении от 29 августа 2019 г. № 87-АПУ19-2 она признала правомерным отказ суда первой инстанции в использовании заключения специалиста для обоснования судебного решения: «Суд также правильно указал, что в данном случае заключение специалиста В. содержит собственное исследование и ответы по тем вопросам, которые являются предметом именно судебных экспертиз; что заключение специалиста фактически направлено на оспаривание тех выводов, которые содержатся в проведенных по делу экспертных исследованиях; что поскольку уголовно-процессуальным законом такое право специалисту не предоставлено, то приобщенное к материалам дела заключение В. признается недопустимым доказательством, не подлежащим оценке» (см: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2019 г. № 87-АПУ19-2. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29082019-n-87-apu19-2/> (дата обращения: 16.10.2023)).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 41-УД21-46-А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26102021-n-41-ud21-46-a3/> (дата обращения: 16.10.2023).

(выделено нами. – *Авт.*). В таком же ключе Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 19 июля 2023 г. по делу № 77-3258/2023 пояснил: «Специалист без проведения исследования трупа... и изучения соответствующей медицинской документации, в которой отражены сведения об оказанной ей медицинской помощи, дал оценку качеству заключений судебно-медицинских экспертиз. **Вместе с тем оценка доказательств в соответствии со ст. 58 УПК РФ не входит в круг обязанностей специалиста. Такая оценка производится судом при разрешении уголовного дела и вынесении итогового решения**»¹ (выделено нами. – *Авт.*).

Можно привести еще с десяток похожих решений с обоснованием недопустимости осуществления специалистом оценки заключения эксперта – четкий ориентир судебной практике был задан скорректированными правовыми позициями Пленума ВС РФ. Что означает в конечном итоге подобный «разворот курса» в деле использования в доказывании консультаций специалистов при оценке заключений экспертов? Для представителей судебной власти – формальное облегчение мотивировочной работы при принятии решений по уголовным делам, когда не требуется чрезмерно глубоко анализировать альтернативное мнение специалиста, представленное стороной защиты в пику заключению эксперта (учитывая, насколько сложны для уяснения вопросы оценки научной обоснованности заключения эксперта, соблюдения требований методики и т. д.). Судьям легче оперировать данными, полученными судебными экспертами в рамках судебной экспертизы, когда источник сведений – заключение эксперта – предстает единственным «легальным» поставщиком доказательственной информации по уголовному делу.

Но ведет ли этот путь к укреплению гарантий достижения истины в уголовном процессе, обеспечению принятия по уголовному делу законных и обоснованных решений? Автор настоящей статьи считает, что нет! Этот путь чреват «свертыванием» реальной состязательности сторон при доказывании специальных вопросов, требующих познаний сведущих лиц. Вспомним высказывание дореволюционного юриста П. С. Пороховщикова: «Если в процессе есть эксперт со стороны противника и экспертиза имеет значение, оратор должен выставить эксперта не менее сведущего и решительного со своей стороны. Не сделать этого – легкомыслие непростительное. Пока эксперт один, он неуязвим, хотя бы говорил вздор. Дайте ему противника, речения оракула превращаются в самолюбивый спор» (цит. по: [9, с. 210]).

В условиях «монополии» стороны обвинения на судебную экспертизу у стороны защиты не остается шансов опровергнуть в состязательном режиме выводы судебной экспертизы, если суд лишает сторону защиты возможности привлечь к судебному дискурсу специалиста, выявляющего дефектные стороны заключения судебного эксперта. Как в этой «несостязательной среде» выстраивать линию защиты? Частично ответы на этот вопрос содержатся в некоторых публикациях представителей адвокатского сообщества (см.: [4]).

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2023 г. по делу № 77-3258/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубликовано.

Полагаем, адвокату-защитнику надлежит обращаться в порядке ч. 3 ст. 80 УПК РФ к компетентным лицам с вопросами, касающимися требований методики проведения экспертизы, правил оценки тех или иных признаков. При этом вопрос адвоката не должен выглядеть как призыв к оценке заключения эксперта, чтобы исключить повод для суда отвергнуть консультацию специалиста. В такой непростой ситуации представляется логичным специалисту предварительно оценивать заключение эксперта на предмет наличия ошибок, нарушений, противоречий. Выявленные проблемы заключения эксперта должны стать «опорными точками» для постановки перед специалистом корректных вопросов, ответы на которые походили бы на «обезличенную» консультацию, но не на оценку конкретного заключения эксперта. В дальнейшем в суде со ссылкой на ч. 4 ст. 271 УПК РФ и п. 16 неотмененного постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 защитнику надлежит ходатайствовать о допросе специалиста, обеспечив заранее его явку.

Список источников

1. Раимжанова Н. А. Нормативная регламентация использования специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 265 с.
2. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 237 с.
3. Иванов Р. Заключение эксперта vs Заключение специалиста. URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/zaklyuchenie-eksperta-vs-zaklyuchenie-spetsialista/> (дата обращения: 27.09.2023).
4. Коблев Р. П. Заключение специалиста как доказательство защиты: сложности для адвокатов. URL: <https://e.ugpr.ru/559048> (дата обращения: 16.10.2023).
5. Семенов Е. А., Васюков В. Ф. Заключение специалиста: причины критической оценки в суде // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 100–102.
6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е. И. Галяшина, В. В. Голикова, Е. Н. Дмитриев [и др.]; под ред. Е. Р. Россинской. Москва: Проспект, 2012. 544 с.
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 576 с.
8. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н. И. Бирюков, О. Н. Ведерникова, С. А. Ворозцов [и др.]; под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, 2014. 816 с.
9. Сергеич П. Искусство речи на суде. Москва: Госюриздат, 1960. 372 с.

References

1. Raimzhanova N. A. Normative regulation of the use of special knowledge in the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2015: 265. (In Russ.).

2. Rasulova N. S. Expert opinion as evidence in criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2022: 237. (In Russ.).
3. Ivanov R. Expert opinion vs expert opinion. Available from: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/zaklyuchenie-eksperta-vs-zaklyuchenie-spetsialista>. Accessed: 27 September 2023. (In Russ.).
4. Koblev R. P. Expert opinion as evidence for the defence: difficulties for lawyers. Available from: <https://e.ugpr.ru/559048>. Accessed: 16 October 2023. (In Russ.).
5. Semenov E. A., Vasyukov V. F. Expert's opinion: the reasons for critical assessment in court. Bulletin of the Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 100–102, 2018. (In Russ.).
6. Galyashina E. I., Golikova V. V., Dmitriev E. N. (et al.). Forensic examination: typical errors. Ed. by E. R. Rossinskaya. Moscow: Prospect; 2012: 544. (In Russ.).
7. Rossinskaya E. R. Legal expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Monograph. 4th ed., rev. and add. Moscow: Norma: INFRA-M; 2018: 576. (In Russ.).
8. Biryukov N. I., Vedernikova O. N., Vorozhtsov S. A. (et al.). Commentary on decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases. Ed. by V. M. Lebedev. 3th ed., rev. and add. Moscow: NORMA; 2014: 816. (In Russ.).
9. Sergeich P. The art of speech in Court. Moscow: Gosyuzdat; 1960: 372. (In Russ.).

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
zaitceva-expert@rambler.ru

Zaitseva Elena Aleksandrovna,

professor of the department of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor; zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *